

На правах рукописи

Сочнева Наталья Александровна

**ЖАНРОВАЯ ПРИРОДА ПОВЕСТЕЙ О КНЯЖЕСКИХ
ПРЕСТУПЛЕНИЯХ В СОСТАВЕ ДРЕВНЕРУССКОГО
ЛЕТОПИСАНИЯ ДОМОНГОЛЬСКОГО ПЕРИОДА**

Специальность 10.01.01 – русская литература

Автореферат

диссертации на соискание учёной степени

кандидата филологических наук

Тюмень – 2014

Работа выполнена в ФГБОУ ВПО
«Курганский государственный университет»

Научный руководитель:

доктор филологических наук, профессор
Минеева Софья Викторовна

доктор филологических наук, профессор
Федорова Валентина Павловна

Официальные оппоненты:

Демин Анатолий Сергеевич,
доктор филологических наук, профессор,
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН, заведующий
отделом древнеславянских литератур

Демченков Сергей Александрович,
кандидат филологических наук, доцент,
ФГБОУ ВПО «Омский государственный
университет имени Ф.М. Достоевского»
заведующий кафедрой русской и
зарубежной литературы

Ведущая организация:

ФГБОУ ВПО «Челябинский
государственный педагогический
университет»

Защита состоится «28» ноября 2014 года в «10» часов на заседании диссертационного совета Д 212.274.09 на базе ФГБОУ ВПО «Тюменский государственный университет» по адресу: 625003, г. Тюмень, ул. Республики, д. 9, зал заседаний диссертационных советов, ауд. 211.

С диссертацией можно ознакомиться в информационно-библиотечном центре ФГБОУ ВПО «Тюменский государственный университет» и на сайте Тюменского государственного университета

Автореферат разослан «» сентября 2014 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Рогачева Наталья Александровна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы. Жанровая система древнерусской литературы до настоящего времени недостаточно изучена. В первую очередь это касается произведений, которые входят в состав более крупных жанровых образований – летописей. К таким произведениям относятся повести о княжеских преступлениях. Требуется уточнения сам термин «повести о княжеских преступлениях», введенный Д.С. Лихачевым. Отметим, что в определении, которое дает исследователь, на первый план выступает тема произведений – «политические преступления князей». Плодотворность применения проблемно-содержательного подхода к анализу памятников древнерусской литературы доказана и современными исследователями. Так, Н.В. Трофимова жанрообразующим признаком воинской повести считает «объект повествования: поход, битву, осаду города»¹.

Общие подходы к анализу летописных жанров намечены в теоретических статьях И.П. Еремина. Художественную природу конкретных текстов повестей о княжеских преступлениях исследовали В.П. Адрианова-Перетц, С.Н. Азбелев, А.С. Демин, О.В. Творогов и другие. Проблемы жанра памятников Борисо-Глебского цикла решались многими исследователями, например А.М. Ранчиным и А.Н. Ужанковым. Однако анализ композиции и основных сюжетных мотивов повестей о княжеских преступлениях, как и определение своеобразия этого жанра в целом, не являлись целью исследователей. Неполно исследован важнейший вопрос об отражении в структуре повестей о княжеских преступлениях традиций разных жанров – летописной исторической повести и агиографии. Одной из последних работ, в которой рассматриваются летописные фрагменты о «княжеской смерти», является диссертация Т.Б. Рудомазиной. Недостаточная степень изученности проблемы позволяет говорить об актуальности избранной для диссертационного исследования темы.

В настоящей работе рассматривается жанровое своеобразие летописных повестей о княжеских преступлениях, становление и развитие традиций этого жанра. В результате мы пришли к выводу о том, что к **повестям о княжеских преступлениях** можно отнести летописные исторические повести, в основе сюжета которых лежит мотив преступления против русского князя или мотив преступления самого князя. Преступление совершается по указанию князей или их подданных и связано с политической борьбой. Особое распространение повести о княжеских преступлениях получают в XI – XIII веках, в период феодальной раздробленности на Руси.

Временем бытования этого жанра обусловлен выбор комплекса материалов, положенный в основу диссертационной работы. Его составили древнейшие русские летописи: Лаврентьевская, Ипатьевская и Новгородская первая (Комиссионный и Синодальный списки).

¹ Трофимова Н.В. Древнерусская литература. Воинская повесть XI – XVII вв.: Курс лекций; Развитие исторических жанров: Материалы к спецсеминару / Н.В. Трофимова. – М., 2000. – С. 10.

Объект исследования – произведения, традиционно относимые исследователями к жанру повестей о княжеских преступлениях: летописные Повесть о Всеславе Полоцком 1068 г., Повесть об ослеплении Василька Тербовльского 1097 г., Повесть об убиении Игоря Ольговича 1147 г., Повесть об убиении Андрея Боголюбского 1175 г. Рассматриваются произведения об убийстве Бориса и Глеба: летописная повесть «Об убиении Борисове» 1015 г., анонимное «Сказание о Борисе и Глебе» и «Чтение о Борисе и Глебе» Нестора. Анализируется Повесть о походе Игоря Святославича на половцев 1185 г. и другие летописные фрагменты о междоусобных битвах русских князей. В исследование включены также летописные фрагменты, в основе которых лежит сюжет о преступлении против князей в ходе междоусобных войн XI – XIII веков.

Предмет исследования – жанровое своеобразие повестей о княжеских преступлениях в составе древнерусского летописания домонгольского периода.

Цель диссертационной работы – выявление конститутивных признаков и жанрово-эстетических доминант повестей о княжеских преступлениях в составе древнерусского летописания домонгольского периода. Для достижения данной цели необходимо решить следующие **задачи**:

- 1) определить корпус произведений, содержащих устойчивые признаки жанра повести о княжеских преступлениях;
- 2) исследовать генезис жанра повести о княжеских преступлениях;
- 3) рассмотреть развитие жанра повестей о княжеских преступлениях, установить его корреляцию с различными жанрами древнерусской литературы;
- 4) выявить роль народнопоэтических образов и сюжетов в структуре повестей о княжеских преступлениях.

Теоретическая база исследования. Методология. Методологические подходы, лежащие в основе диссертационного исследования, основаны на разработанных современной медиевистикой принципах комплексного типологического, герменевтического, текстологического, мотивного и культурно-исторического анализа памятников и направлены на творческое развитие этих принципов и уточнение возможностей их практического использования. В процессе изучения летописных памятников нами принят за основу жанровый принцип, который состоит в выделении форм летописного повествования. Этот подход развивается в теоретических статьях Д.С. Лихачева, И.П. Еремина, Н.И. Прокофьева, В.В. Кускова, О.В. Творогова и их последователей.

В современном литературоведении определение категории жанра является дискуссионным¹. В науке утвердились два «теоретико-методологических подхода к жанру как содержательной категории» – содержательно-формальный и проблемно-содержательный². Специфика объекта диссертационной работы определяет выбор методологии исследования. Мы придерживаемся проблемно-содержательного подхода к изучению жанра, который разрабатывался

¹ См.: Головкин В.М. Герменевтика литературного жанра: учебное пособие / В.М. Головкин. – М., 2012. – С. 10.

² Там же. С. 22.

Г.Н. Пospelовым и исследователями московской школы, например Л.В. Чернец и А.Я. Эсалнек. Г.Н. Пospelов определял жанр как «явление не исторически конкретное, а типологическое». Жанровая общность, по его мнению, заключается в «пределах содержания произведения»¹. На первое место Г.Н. Пospelовым ставится жанровое содержание произведения, однако отмечается и значение жанровой формы². Сочетание содержательных и формальных признаков, по нашему мнению, позволяет выявить модель жанра повестей о княжеских преступлениях. Так, в качестве главного жанрообразующего признака повестей о княжеских преступлениях рассматривается объект повествования, которым является преступление против князя или преступление самого князя. К формальным жанрообразующим признакам этого типа повестей относятся устойчивая сюжетная схема, которая характеризуется постоянным комплексом мотивов, четко определяемая авторская позиция, речь действующих лиц, разработанная система образов, риторические элементы и элементы агиографии. В понимании мотива мы придерживаемся определения его как «первоэлемента сюжета», или «динамической единицы сюжета, побуждающей его к развитию»³.

Научная новизна. Впервые исследована жанровая природа летописных исторических повестей о княжеских преступлениях, раскрыта семантика термина, определены конститутивные признаки этого жанрового типа. В результате применения жанрово-композиционного анализа к произведениям, традиционно относимым к повестям о княжеских преступлениях, выявлена специфика сюжетной схемы данного жанрового типа, установлена ее однотипность. Рассмотрено становление жанра повестей о княжеских преступлениях и его развитие, а также сделаны выводы о роли в этом процессе авторской индивидуальности. В диссертационном исследовании доказывается гипотеза о существовании третьего жанрового типа исторической повести, помимо повестей воинских и повестей о княжеских преступлениях, который получил условное название – «повествования о междоусобных битвах».

Теоретическая значимость диссертационного исследования состоит в том, что в нем делаются выводы о структуре и развитии жанровой системы древнерусской литературы. В составе исторической повести предлагается выделять три жанровых типа. В исследовании выявляется модель жанра повестей о княжеских преступлениях.

Практическая значимость работы. Полученные результаты могут быть использованы при подготовке общих и специальных лекционных курсов по истории древнерусской литературы, при проведении практических занятий и спецсеминаров по древнерусскому летописанию и агиографии, а также при подготовке изданий древнерусских текстов и комментариев к ним.

¹ Пospelов Г.Н. Проблемы исторического развития литературы / Г.Н. Пospelов. – М., 1972. – С. 233.

² Там же, с. 233.

³ Веселовский А.Н. Историческая поэтика / А.Н. Веселовский. – М., 1989. – С. 301; Силантьев И.В. Сюжетологические исследования / И.В. Силантьев. – М.: Языки славянской культуры, 2009. – С. 72.

Апробация исследования. Основные положения и результаты исследования апробированы в форме докладов и сообщений на международных и всероссийских конференциях, в том числе: на Межвузовской научно-практической конференции «Русская филология: язык – литература – культура», Омск, 30 марта 2010 г.; Международной научно-практической конференции «Молодежь Сибири – науке России», Красноярск, 20–21 апреля 2010 г.; XVIII Всероссийской научной конференции памяти Святителя Макария, Макариевские чтения «Воинство земное – Воинство небесное», Можайск, 23–25 июня 2010 г.; Восьмой международной летней школе по русской литературе, Санкт-Петербург – Цвелодубово, 1–5 июля 2011 г.; Всероссийской научно-практической конференции «Эстетика идеальной жизни» (Кусковские чтения), Москва, 20–21 мая 2011 г.; Девятой международной летней школе по русской литературе, Санкт-Петербург – Цвелодубово, 5–10 июля 2012 г.; Всероссийской научно-практической конференции Кусковские чтения – 2012, Орел, 10–13 октября 2012 г.

Основные положения, выносимые на защиту:

1) В составе исторической повести выделяются три жанровых типа – воинские повести, повести о княжеских преступлениях и «повествования о междоусобных битвах» русских князей.

2) Повести о княжеских преступлениях – это летописные исторические повести, в основе сюжета которых лежит мотив преступления против русского князя или мотив преступления самого князя. Преступление совершается по указанию князей или их подданных и связано с политической борьбой.

3) Главными жанрообразующими признаками повестей о княжеских преступлениях является объект повествования: преступление против князя или преступление самого князя; устойчивая сюжетная схема, характеризующаяся определенным комплексом мотивов.

4) На становление и развитие жанра повестей о княжеских преступлениях оказали влияние традиции жанра исторической повести и агиографии, а также мифо-фольклорные сюжеты и образы.

5) Закономерности развития жанра повестей о княжеских преступлениях обусловлены формированием устойчивого мотивного комплекса и сюжетной схемы, зависят от творческой индивидуальности автора.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обоснована актуальность и научная новизна исследования, определены объект и предмет, цели и задачи, представлены методологическая и теоретическая база исследования, практическая ценность, апробации, сформулированы основные положения, выносимые на защиту.

Глава 1. Исследование жанрового комплекса в летописной традиции (XI – XIII вв.)

В первой главе рассматриваются теоретические вопросы, связанные с разными подходами к изучению русского летописания. Общепринятая в науке теория жанров древнерусской литературы разработана в исследованиях Д.С. Лихачева, Н.И. Прокофьева и В.В. Кускова. На современном этапе развития медиевистики категория жанра в древнерусской литературе рассматривается в работах Л.В. Левшун.

Д.С. Лихачев ввел в науку понятие системы жанров древнерусской литературы. Им также указано на иерархию внутри этой системы, отмечено, что жанры находятся в «сложных отношениях взаимопроникновения». Д.С. Лихачевым выделены объединяющие и первичные жанры. Признаком для выделения жанров, считает Д.С. Лихачев, служила тема, которой было посвящено произведение¹.

В.В. Кусков подошел к проблеме жанровой классификации древнерусской литературы с философских позиций. Он считал, что основу жанровой системы составляют особенности мирозерцания средневекового человека. Так, представление о бинарности мира проявилось в разграничении двух жанровых систем – мирской (светской) и церковной (духовной) литератур. Исследователь отмечал, что жанры церковной и мирской литературы развиваются в тесном взаимодействии друг с другом, а также с жанровой системой фольклора². К мирской литературе (XI – первая треть XII вв.) им отнесены жанры исторического повествования: погодная запись, историческая легенда, топонимическое предание, историческое предание, агиографическая легенда, историческое сказание и историческая повесть, а также жанры деловой письменности: договоры, церковный устав³. Основной формой их бытования была летопись.

Заслуживает внимания классификация, предложенная Н.И. Прокофьевым. В ней выделяются не две, а три жанровые системы словесности Древней Руси: фольклорная, богослужебная литература и «светская» художественно-публицистическая литература⁴.

Традиционно летопись рассматривалась исследователями в качестве объединяющего жанра и относилась к жанровой системе мирской литературы. На современном этапе развития медиевистики продолжается изучение летописи, в том числе разрабатываются новые подходы к ее исследованию. Это говорит о том, что летопись остается малоизученным памятником и относится к неоднозначным литературным явлениям. Интерес исследователей к художественной природе как текстов в составе летописи, так и самих памятников

¹ Лихачев Д.С. Система литературных жанров Древней Руси; Зарождение и развитие жанров древнерусской литературы / Д.С. Лихачев // Исследования по Древнерусской литературе: (Сб. ст.). – Л., 1986. – С. 60 – 61.

² Кусков В.В. Жанры и стили древнерусской литературы XI – первой половины XIII вв.: автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10.01.01 / Кусков Владимир Владимирович. – М., 1980. – С. 8.

³ Там же, с. 24.

⁴ Прокофьев Н.И. О мировоззрении русского средневековья и системе жанров русской литературы XI – XVI вв. / Н.И. Прокофьев // Литература Древней Руси. – М., 1975. – Вып. 1. – С. 26.

в целом, свидетельствует о том, что именно летопись являлась источником формирования многих жанров древнерусской литературы.

Так, пересматривая традиционную точку зрения, Л.В. Левшун, А.Н. Ужанков и И.Н. Данилевский относят летопись к церковным жанрам. В работах А.А. Пауткина и Р. Пиккио утверждается тематический подход. Г.Ю. Филипповский предлагает рассматривать древнерусскую литературу, в частности летописания, в рамках мотивного подхода. К «Повести временных лет» как целостному литературному произведению обращается А.А. Шайкин.

При рассмотрении подходов к изучению летописи нельзя не обратиться к работам по текстологии, в первую очередь – «Повести временных лет».

Основоположником изучения истории текстов русских летописей является А.А. Шахматов. Им разработан сравнительно-исторический метод филологического изучения текстов, открыты для науки неизвестные ранее рукописные материалы. По мнению ученого, летопись является результатом сознательной работы летописца, подбирившего материал под влиянием политических идей того феодального центра, где она создавалась. Концепцию А.А. Шахматова об исторических источниках летописи разрабатывал М.Д. Приселков. Он рассматривал летописи в качестве политических документов, а не литературных произведений в узком смысле¹. А.Н. Насонов и Я.С. Лурье вслед за А.А. Шахматовым и М.Д. Приселковым продолжили изучение летописи как исторического источника.

Во второй половине XX века исследователи обратили внимание на художественное своеобразие летописных текстов. Изучение летописи как литературного памятника заложено трудами Д.С. Лихачева, И.П. Еремина, Н.И. Прокофьева, В.В. Кускова, А.С. Демина и других. С этого времени основным принципом работы с летописями стал жанровый подход. Так, И.П. Ереминым на примере Киевской летописи выделены следующие повествовательные формы: погодная запись, летописное сказание, летописный рассказ, летописная повесть и документы из княжеских архивов². И.П. Еремин выявил характерные черты данных форм повествования.

В данном диссертационном исследовании применяется жанровый подход к изучению летописного материала. Мы исходим из концепции летописных жанров, разработанной И.П. Ереминым (погодная запись, рассказ и повесть), считая, что главное отличие летописной исторической повести от летописного рассказа и погодной записи заключается в ее большем объеме (развитые сюжет, система образов, диалоги, обилие риторических элементов).

Исследование показало, что в Лаврентьевской, Ипатьевской и Новгородской первой летописях реализуются все три названные жанровые формы (погодная запись, рассказ и повесть), объединенные сюжетом о преступлении князя или сюжетом о преступлении против князя.

¹ Приселков М.Д. История русского летописания XI – XV вв. / М.Д. Приселков / Подг. к печати В.Г. Вовиной. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. – С. 37

² Еремин И.П. Лекции и статьи по истории древней русской литературы. – 2-е изд., доп. / И.П. Еремин. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1987. – С. 54.

В погодных записях, объединенных тематикой «княжеского преступления», организующим является **мотив преступления против князя**. Лишь в некоторых погодных записях присутствуют **мотив заговора** и отсылка к **мотиву «коварного приглашения»**, которые получают дальнейшее развитие в летописных рассказах и повестях «о преступлениях князей». В погодных записях данной тематики отразились и агиографические традиции. Так, в некоторых погодных записях реализуется **мотив возникновения заговора по наущению дьявола**. Наличие этого мотива свидетельствует об авторской оценке событий, что было не характерно для погодной записи. В Новгородской первой летописи есть несколько погодных записей XIII в., включающих речь действующих лиц, которая, по характеристике И.П. Еремина, является отличительной чертой летописного рассказа. Таким образом, погодные записи о «княжеских преступлениях» демонстрируют формирование жанра повестей о княжеских преступлениях, а также свидетельствуют о стирании жанровых границ между формами летописного повествования.

Кроме погодных записей, в рассматриваемом летописном материале выявляются летописные рассказы, объединенные темой «княжеского преступления». По нашим наблюдениям, к таким летописным рассказам можно отнести: рассказ об убийстве Олегом Аскольда и Дира в 882 г., рассказ о смерти Олега в 977 г., рассказ об убийстве Ярополка 980 г., рассказ об отравлении князя Ростислава 1066 г., рассказ об убийстве Ярополка 1086 г., рассказ об убийстве ханов Илтаря и Кытана 1095 г. и другие.

Анализ наиболее ранних летописных рассказов, объединенных темой «княжеского преступления», позволяет сделать вывод, что они характеризуются наличием речи героев, авторской оценки событий и уже названных выше мотивов. Во всех рассказах константным является **мотив преступления против князя**. В летописных рассказах можно выявить также агиографический мотив – **возникновение заговора по наущению дьявола**. Отметим, что этот мотив также является одним из жанрообразующих для повестей о княжеских преступлениях. Проникновение его в летописное повествование вызвано стремлением автора подчеркнуть негативную оценку междоусобных распрей.

Развитие жанра летописного рассказа происходит за счет расширения комплекса мотивов по сравнению с погодной записью данной тематики, а также за счет стирания жанровых границ между рассказом и повестью. В этом плане примечателен летописный рассказ, который читается в Лаврентьевской летописи **под 1217 г.** и в Новгородской первой летописи (Синодальный список) **под 1218 г.** Это так называемый «рассказ о преступлении рязанских князей», выделенный еще Д.С. Лихачевым. Особенность этого летописного рассказа состоит в том, что в нем широко проявляется влияние агиографии. Также он отличается достаточно разработанным сюжетом. Эти черты сближают летописный рассказ 1217 г. с жанром летописной повести о княжеском преступлении.

Таким образом, жанр летописных рассказов, объединенных темой «княжеского преступления», включал такие жанровые характеристики, как речь героев, авторскую оценку событий, разработанные сюжет и систему образов.

Итак, исследование показало, что летописные повествования о «княжеских преступлениях» представлены тремя жанровыми образованиями – погодная запись, рассказ и повесть. Погодная запись в целом отличается краткостью, лаконизмом повествования, документальностью. В структуре погодных записей данной тематики можно выделить лишь **мотив преступления против князя**. Выявлены в летописях и пространные погодные записи, композиция сюжета которых осложняется **мотивом возникновения заговора по наущению дьявола**.

Летописный рассказ больше по объему, чем погодная запись, в нем обязательно присутствуют речи действующих лиц и авторская оценка событий. Характерной чертой композиции летописных рассказов, объединенных темой «княжеского преступления», являются **мотив заговора** и **мотив преступления против князя**. Их композиция может осложняться **мотивами «коварного приглашения», предупреждения князя об опасности, страха убийц перед преступлением, возникновения заговора по наущению дьявола**. В данных летописных рассказах звучит авторская оценка событий, которая выражается через библейские и исторические аналогии, цитаты из Священного писания, характеристику князя, речь действующих лиц и перечисление имен преступников.

Повесть имеет все признаки летописного рассказа, но отличается большим объемом, разработанной композицией, наличием риторических элементов. Летописная повесть данной тематики представлена небольшим количеством известных произведений, которые получили в науке название повестей о княжеских преступлениях.

Глава 2. Повести о княжеских преступлениях как устойчивый тип эпического повествования

Во второй главе рассматриваются жанрообразующие признаки повестей о княжеских преступлениях, а также делаются выводы о выделении третьего жанрового типа исторической повести, кроме повестей воинских и повестей о княжеских преступлениях.

Жанр повести занимает одно из ведущих мест в системе мирских жанров древнерусской литературы. В составе древнерусского летописания раннего периода традиционно называют два основных жанровых типа исторических повестей: повести воинские и повести о княжеских преступлениях. Этой точки зрения придерживаются И.П. Еремин, Д.С. Лихачев, В.В. Кусков, Н.И. Прокофьев, Н.В. Трофимова и большинство следующих за ними отечественных медиевистов.

О.А. Державина определяет древнерусскую повесть как «жанр, объединяющий повествовательные произведения разного характера (собственно повесть, житие, летописная повесть, сказание, «поведение», «слово»)). Исследователь подчеркивает, что «воинская повесть отражает многолетнюю борьбу Руси с врагами», при этом «воинские повести отличаются высокой патриотичностью, выработанными художественными приемами»¹.

¹ Краткая литературная энциклопедия: в 9 т. – М.: Советская энциклопедия, 1968. – Т. 5. – С. 818.

Термин «повести о княжеских преступлениях», как уже указано, был введен Д.С. Лихачевым для характеристики особой разновидности исторической повести в составе русского летописания XI – XIII вв. К особенностям данных повестей исследователь относит то, что составителем их был или участник, или свидетель событий. Поэтому в повестях о княжеских преступлениях **авторская позиция станет определяющим фактором в отборе информации**, ее объективности, а также будет влиять на комплекс художественных средств.

К повестям о княжеских преступлениях традиционно относят очень узкий круг памятников. Д.С. Лихачев считает первым таким произведением, «отчасти близким к этому жанру», летописную повесть, связанную с убийством Бориса и Глеба, а Повесть об ослеплении Василия Темного – одной из последних повестей о княжеских преступлениях.

Несмотря на то, что термин «повести о княжеских преступлениях» стал общепринятым и широко используется в литературоведении, содержательное наполнение его до сих пор четко не определено. Мы будем придерживаться концепции Д.С. Лихачева, однако при этом считаем возможным более широкое понимание термина.

Исследование показало, что к **повестям о княжеских преступлениях** относятся летописные исторические повести, в основе сюжета которых лежит мотив преступления против русского князя или мотив преступления самого князя. Преступление это совершается по указанию князей или их подданных и связано с политической борьбой. Образ пострадавшего князя в данных повестях обычно трактуется с христианских позиций как образ мученика, что позволяет увидеть в этих произведениях более или менее явные связи с традициями мученичества. Виновные в гибели князя, в нарушении обязательств между князьями и взаимных договоренностей рассматриваются как «клятвopреступники», совершившие преступление не только против конкретных князей, но и в целом против Русской земли. **Основная идея** повестей о княжеских преступлениях оказывается созвучной общей моралистической идее летописи – идее нравственного Суда, ответственности русских князей за судьбы своей земли перед Богом.

В результате анализа композиции повестей о княжеских преступлениях можно выделить характерные для их сюжета **жанрообразующие мотивы**. Сюжетная схема повестей о княжеских преступлениях представлена в Приложении 1. Приведем эту схему в сокращенном виде:

Основные жанрообразующие мотивы повестей о княжеских преступлениях	
1. мотив возникновения междоусобиц по наущению дьявола	Произведения о Борисе и Глебе «... <i>Видевъ же дьяволъ и искони ненавидяи добра человека, яко вьсю надежю свою на Господа положилъ есть святыи Борисъ, начатъ подвижьнеи бываати, и обреть, яко же преже Каина на братоубиство горяца, тако же и Святоплькъ...</i> » [«Сказание», с. 284].
2. мотив заговора	Произведения о Борисе и Глебе «... <i>Святополкъ же исполнивъся безаконья. Каиновъ смыслъ приимъ ...Святополкъ же приде ночью Вышегороду. отаи</i>

	<i>призва Путию. и Вышегогодьские боярьце. и рече имъ прияте ли ми всемъ сердцемъ. рече же Путиша с Вышегородьци. можемъ главы своя сложити за тя. онъ же рече имъ не поведуче никомуже. шедшее оубиите брата моего Бориса...» [Лавр. лет., стлб.132].</i>
3. мотив нарушения крестного целования	Повесть о Всеславе Полоцком 1067 г. <i>«...По сем же месяца июня. въ 10 день Изяславъ. и Всеволодъ. целовавшие крестъ честныи. къ Всеславу. рекше приди к нама. а не створим ти зла. он же надеяся целовании креста. перееха в лодыи чресь Днепръ. Изяславу же в шатерь. предидуцю и тако яша Всеслава на Руси. оу Смоленьска. преступивше крестъ...» [Ипат. лет., стлб. 156].</i>
4. мотив предупреждения князя об опасности	Произведения о Борисе и Глебе <i>«...Послании же придоша на Лъто ночью. И подъступиша ближе. и слышаша блаженаго Бориса поюща заоутреню. бе бо ему вестъ оуже яко хотятъ погубити и...» [Лавр. лет., стлб.133].</i>
5. мотив «коварного приглашения»	Произведения о Борисе и Глебе <i>«...Святополкъ ...посылая к Борису глаголаше. яко с тобою хочю любовь имети и къ отню придамъ ти. а лъстя под нимъ како бы и погубити...» [Лавр. лет., стлб.132]</i>
6. мотив страха убийц перед преступлением	Повесть об убиении Андрея Боголюбского 1175 г. <i>«...И пришедъши ноци. они же устремивъшеся поймавъше оружья. поидоша на нь яко зверье сверъпнии. и идуцимъ имъ к ложници его. и прия е страхъ и трепеть. и бежаша съ сении шедше в медушю и пиша вино...» [Ипат. лет., стлб. 586].</i>
7. мотив защиты интересов князя	Произведения о Борисе и Глебе <i>«...Видевъ же отрокъ его, вържеся на тело блаженааго, рекыи: "Да не остану тебе, господине мои драгыи, да идее же красота тела твоего увядаеть, ту и азъ съподобленъ буду съконьчати животъ свои!" Бяше же съ родъмъ угринъ, имъньмъ же Георгии...» [«Сказание», с. 286]</i>
8. мотив «непротивления» / сопротивления князя обидчикам	Произведения о Борисе и Глебе <i>«...И ста на Лъте пришедъ. Реша же ему дружина отня. Се дружина оу тебе отъня и вои. Поиди сяди Кыеве на столе отни. Онъ же рече не буди мне възнати руки на брата своего стареишаго. Аще и отъць ми оумре. То съ ми буди въ отца место. И се слышавшее вои разидошася от него...» [Лавр. лет., стлб. 132].</i>
9. мотив преступления против князя	Произведения о Борисе и Глебе <i>«...И се нападоша акы зверье дивии около шатра. и насунуша и копыи. и прободоша Бориса...» [Лавр. лет., стлб.134].</i>
10. мотив нехристианского обращения с телом убитого князя	Произведения о Борисе и Глебе <i>«...И положиша тело его (Бориса – Н.С.) принесшее отаи Вышегороду. оу церкви святаго Василья...» [3, стлб.134]; <i>«...Глебу же оубъену бывшю. И повержену на брезе. Межи двема колодама. Посемъ же вземше везоша и. и положиша и оу брата своего Бориса. Оу церкви святаго Василья...» [Лавр. лет., стлб.137].</i></i>
11. мотив Божьего наказания	Произведения о Борисе и Глебе <i>«...И къ вечеру одоле Ярославъ. а Святополкъ бежа. бежацю же ему и нападе на нь бесъ. и раслабеша кости его и не</i>

	<p><i>можаше седети на кони. и ношахуть и въ носилахъ. и принесоша и к Берестью. бегающе с нимъ он же глаголаше побегнете со мною. женуть по насъ. отрочи же его посылаху противу. егда кто поженеть. по немъ. и не бе никого же въ следъ женущаго. и бежаху с нимъ. онъ же в немощи лежа. и въсхався глаголаше. осе женуть. оно женуть. побегнете. и не можаше стерпети на единомъ месте. и пробеже Лядскую землю гонимъ гневомъ Божиимъ. и пробеже пустыню межи Чехы и Ляхы. и ту испроверже животъ свои зле...» [Ипат. лет., стлб.132].</i></p>
	<p>Повесть о Всеславе Полоцком 1067 г. <i>«...Придоша иноплемьници. на Рускую землю. Половци мнозе... Грехъ ради нашихъ. попусти Богъ на ны поганья. и побегоша Половци. наводитъ Богъ по гневу своему иноплемьники на землю...»</i> [Ипат. лет., стлб. 157].</p>

Признаком повестей о княжеских преступлениях является также авторская позиция, которая выражается в противопоставлении положительных и отрицательных героев и в назывании имен преступников.

Отметим, что стилистическое своеобразие произведений изучаемого жанра характеризуется следованием авторов традициям церковной литературы, что обусловило присутствие в повестях о княжеских преступлениях элементов маририи, жития-биос, книжной риторики. Однако эти повести отличаются не только сочетанием исторического и агиографического жанров, но и широким привлечением мифо-фольклорных сюжетов и образов.

Анализ летописных текстов позволил выделить переходную форму между двумя жанровыми типами летописных повестей – повестями воинскими и повестями о княжеских преступлениях. Речь идет о повествованиях в составе ранних летописей **о междоусобных битвах** между русскими князьями. Мы предлагаем термин для обозначения этих повествований, допуская при этом всю его условность, – «повествования о междоусобных битвах». Отметим, что эти повествования традиционно относятся исследователями к жанру воинских повестей, так как в основе их сюжета лежит описание какой-либо битвы. Мы исходим из понимания жанра как категории, объединяющей в себе не только формальное, но и, прежде всего, содержательное начало. Поэтому важно указать на то, что в повествованиях выделяемого нами жанрового типа акцент делается не на патриотическом прославлении военных подвигов русских князей, а, напротив, на их осуждении за участие в междоусобных расправах.

Композиция «повествований о междоусобных битвах» отличается сочетанием элементов воинских повестей и повестей о княжеских преступлениях. Сюжет «повествований о междоусобных битвах» характеризуется комплексом жанрообразующих мотивов – **мотив заговора, мотив преступления против Русской земли, мотив Божьего наказания.** Эти же мотивы характерны для жанра повестей о княжеских преступлениях. «Повествования о междоусобных битвах» проходят определенный процесс развития. Так, в повествование вводится новый мотив (привлечение половцев для достижения победы) и речь действующих лиц. В «повествованиях о междоусобных битвах» важную роль

играет авторская позиция, которая созвучна идее повестей о княжеских преступлениях, – осуждение князей-клятвопреступников, развязавших междоусобную распрю. Авторская позиция выражается также в упоминании дьявола как главного зачинщика междоусобных распрей и Святополка как образа-символа братоубийцы и клятвопреступника и в использовании цитат и реминисценций из Священного Писания. С жанром воинских повестей эти «повествования» сближает наличие композиционного элемента – описание битвы, осады города. Однако это описание дается очень кратко, и основное внимание автора сосредоточивается на выражении своей позиции.

Отличия в теме и авторской позиции произведений не позволяют объединять «повествования» этого типа с воинскими повестями, характерной чертой которых является идея прославления побед русских князей в борьбе с иноземными врагами и патриотический пафос. На основании всего сказанного мы предлагаем рассматривать проанализированные летописные «повествования» как особый жанровый тип исторической повести, занимающий промежуточное положение между традиционно выделяемыми повестями воинскими и повестями о княжеских преступлениях. **Объединяющим мотивом всех «повествований о междоусобных битвах» является мотив преступления против Русской земли.** Автором оценивается преступление против Русской земли в этико-моральных категориях «добра и зла» с проекциями на Священную историю.

Ярким примером произведений, относящихся к выделяемому нами третьему жанровому типу исторических повестей, являются летописные Повести о походе Игоря Святославича на половцев 1185 г.

Основная идея летописных повестей о походе князя Игоря заключается в осуждении его преступлений: участие в междоусобных войнах, разорение городов, убийство и пленение жителей, и, конечно же, гордыня, главный грех православного князя. Все эти преступления, включая последнее, описанию которого посвящены Повести, рассматриваются автором как преступления против Русской земли в целом, так как Игорь своим поражением нанес ущерб не только себе, но и своей земле: *«отвориша ворота на Русьскую землю»*.

Глава 3. Цикл произведений о Борисе и Глебе: формирование жанра повестей о княжеских преступлениях

Первыми произведениями, в которых происходило становление жанра повестей о княжеских преступлениях, являются повести об убийстве Бориса и Глеба.

Борисо-Глебский цикл включает в себя летописную повесть «Об убиении Борисове», «Сказание о Борисе и Глебе», «Чтение о житии и о погублении блаженую стратотерпца Бориса и Глеба» Нестора, проложные сказания, паремийные чтения, похвальные слова, церковные службы. Так или иначе все эти тексты связаны между собой, и центральное место среди них занимает «Сказание». Решением вопросов, связанных со временем написания памятников и их соотношением, занимались С.А. Бугославский, А.А. Шахматов, Л. Мюллер, А. Поппэ, Н.Н. Ильин, Н.Н. Воронин, А.М. Ранчин, А.Н. Ужанков и другие.

Однако приходится признать, что литературная история «Сказания» до настоящего времени остается не до конца раскрытой, и многие предположения носят гипотетический характер. В диссертационном исследовании мы не ставили задачу решения этой проблемы, однако, опираясь на историю изучения названных памятников, считаем наиболее обоснованной гипотезу о вторичности «Сказания» по отношению к летописной «Повести».

Жанрово-композиционный анализ летописной повести «Об убиении Борисове» показал, что художественные особенности памятника предопределило влияние агиографии. В «Повести» реализуется **мотив непротivления**, который связан с традицией мученичества. Характерен также **мотив заговора** Святополка против Бориса и Глеба. Заканчивается летописная повесть обширной церковной **похвалой** князьям-братьям. Святые братья прославляются и признаются защитниками Русской земли. Отметим, что по объему элементы агиографии занимают здесь гораздо больше места, чем сам рассказ о событиях (то есть собственно элементы летописной исторической повести), что, в свою очередь, говорит о влиянии церковной традиции на жанры мирской литературы.

На тексты летописной «Повести» и «Сказания» оказала влияние фольклорная традиция, которая проявляется в приметах: *«...Глебъ же вборзе вседь на коне с малою дружиною поиде... И пришедшу ему на Волгу. на поли потчеса конь в рве. и наломи ему ногу мало...»*¹.

Сопоставительный анализ текстов летописной «Повести» и «Сказания» позволил сделать вывод, что в целом они совпадают по содержанию. Выявлены текстологические совпадения повестей. Так, все цитаты, которые есть в летописной «Повести», сохранены в «Сказании».

Типологический подход позволяет говорить о взаимосвязи летописной «Повести» 1015 г., анонимного «Сказания» и «Чтения». Так, в «Чтении» выявлен комплекс мотивов, характерных не для агиографии, а для жанра повестей о княжеских преступлениях: **мотив заговора**, **мотив преступления против князя**, **мотив убийства княжеского любимца**, **мотив нехристианского обращения с телом убитого князя**. Авторами эти мотивы «сглаживаются», приобретают агиографическую трактовку. Объяснить смешение традиций жанра исторической повести и агиографии можно тем, что произведения, посвященные трагической гибели святых братьев, были первыми произведениями, в которых, как отметил Г.П. Федотов, «традиции зачинались». Можно говорить именно о формировании традиции, которая реализовывалась в построении, комплексе мотивов, речевых формулах, агиографической стилистике, что нашло отражение в других повестях о княжеских преступлениях. Даже сами образы князей будут неоднократно возникать в других древнерусских произведениях: Борис и Глеб как примеры святости и благочестия, а Святополк как пример греховности.

Летописная «Повесть об убиении Борисове» и «Сказание о Борисе и Глебе» – два разных в жанровом отношении произведения, что связано с разными

¹ Полное собрание русских летописей. Т. I. Лаврентьевская летопись и Суздальская летопись по Академическому списку [Воспроизведение текста изд. 1926 – 1928 гг.]. – М.: Изд. вост. лит., 1962. Стлб. 135.

целями, стоящими перед их авторами. Задача летописи – объективно передавать исторические факты, а задача «Сказания» заключалась в идеализации образов святых Бориса и Глеба, что сближает его с агиографическим жанром. Поскольку в древнерусской литературе агиография сосуществовала с историческими жанрами, она приобретала политическое звучание, оценивая не только в морально-нравственном, но и в государственном смысле идеи единения, непротивления злу насилием, невозможности прихода к власти через кровопролитие. В качестве идеального правителя в «Сказании» был представлен Ярослав Мудрый. Автор «Сказания» не включил в повествование те исторические факты, которые могли бы представить Ярослава как государственного деятеля в невыгодном свете. Возникновение и развитие подобного оригинального древнерусского литературного жанра («сказание») обусловлено спецификой мышления русского человека, который четко не разделял церковное и мирское, а служение политическим идеям, тем более гибель во имя этих идей, рассматривал не только как патриотический подвиг, но и как проявление христианского служения, достойное святости.

Глава 4. Развитие жанровых традиций повестей о княжеских преступлениях

Одной из наиболее ранних летописных повестей о княжеских преступлениях является Повесть о Всеславе Полоцком. Мотив клятвопреступления является ведущим в этой летописной повести. «Повесть о Всеславе Полоцком» читается в составе «Повести временных лет» в Лаврентьевской, Ипатьевской, Новгородской первой летописях. Повествование о судьбе князя Всеслава, связанное с заточением его в поруб, а затем освобождением и воздвижением на киевский престол распределено между летописными статьями 1067 – 1068 годов.

Исследование показало, что в композиции Повести о Всеславе Полоцком выделяется комплекс мотивов, которые восходят к традиции жанра исторической повести. Это мотив заговора, мотив «коварного приглашения», мотив заточения в поруб (преступления против князя), мотив нарушения крестного целования, мотив разграбления княжеского двора, мотив бегства, мотив мести. Мотивы заговора, «коварного приглашения» и заточения в поруб (преступления против князя) могут быть отнесены к **жанрообразующим мотивам летописных повестей о княжеских преступлениях**, так как они уже выделялись в цикле повестей о Борисе и Глебе и повторяются в других повестях о княжеских преступлениях.

Главное место в Повести о Всеславе Полоцком занимают элементы церковной риторики, так как по объему эти фрагменты составляют половину всего текста летописной статьи. Можно выделить также и библейские мотивы: **мотив Божьего наказания, мотив возникновения междоусобиц по наущению дьявола.**

Жанровое своеобразие Повести определяется тем, что в ее композиции нашли широкое отражение фольклорные традиции. Анализируя Повесть о Всеславе Полоцком, Г.Ю. Филипповский выделил сюжеты и образы, которые

восходят к народнопозэтической архаике: сюжет заточения героя в поруб и сюжет возвращения героя к жизни. Особую смысловую нагрузку несут фольклорные образы-символы, которые являются рубежами сакрального пространства. К таким образам-символам можно отнести образ воды и образ моста.

Таким образом, в Повести о Всеславе Полоцком органически сочетаются мотивы, которые восходят к традициям разных жанровых систем: мирской литературе, церковной и фольклору. В данной повести реализуются жанрообразующие мотивы, характерные для летописных исторических повестей о княжеских преступлениях, книжно-христианские мотивы, восходящие к агиографии, и древние традиционные сюжеты и образы, восходящие к мифо-фольклорной архаике. Именно своеобразие мотивной организации произведения обусловило его жанрово-композиционную специфику. Традиции, заложенные в этой летописной повести, в дальнейшем окажут влияние на произведения, созданные в разных литературных традициях, – Повесть об ослеплении Василька Теребовльского и «Слово о полку Игореве».

Повесть об ослеплении Василька Теребовльского – историческая летописная повесть, традиционно относимая исследователями к жанру повестей о княжеских преступлениях. В этой повести мотив клятвопреступления является определяющим. Повесть дошла в составе «Повести временных лет» под 1097 годом в списках летописей Лаврентьевской, Ипатьевской, Радзивилловской и других. В Повести об ослеплении Василька Теребовльского продолжается развитие жанра повестей о княжеских преступлениях, которое, прежде всего, проявилось в стирании жанровых границ.

В этом аспекте показательным обращением автора Повести об ослеплении Василька Теребовльского к мифо-фольклорной традиции, прежде всего, на уровне пространственно-временной организации. Сюжет временной смерти героя и возвращения его к жизни, связанные с мифо-фольклорными представлениями, является ведущим в Повести об ослеплении Василька Теребовльского. Особое значение в Повести приобретает мифологическая символика чисел – троичность: три приглашения князей Давыда и Святополка, три места заточения Василька и три его мести.

Творческая индивидуальность автора проявилась в объединении традиций разных жанров. Конечно, то, что он писал не житийный текст, а передавал свое видение ситуации, позволяло проявить мастерство в полной мере. В Повести об ослеплении Василька Теребовльского древние мифопоэтические мотивы, соединяясь и взаимодействуя с новыми христианскими, служат выражению актуальных для того времени патриотических и нравственных идей, связанных с обновлением душевного мира человека и с укреплением нового христианского государства, с их защитой в борьбе с вечным (дьявол) и социальным злом (княжеские раздоры и усобицы).

Повесть об ослеплении Василька Теребовльского характеризуется разработанным сюжетом и усложненной системой образов. Повесть отличается тем, что в ней важную роль приобретает художественная деталь, образы-символы (нож и крест), диалоги; образы главных героев обладают индивидуальными чертами.

Таким образом, летописная повесть об ослеплении Василька Тербовльского является первым классическим образцом древнерусской летописной исторической повести о княжеских преступлениях. Сюжетная схема этой летописной повести обретает законченный вид, что нашло выражение в постоянном комплексе жанрообразующих мотивов. В повествовании возникают мотив Божьего наказания, мотив бегства и мотив мести. Появление новых героев, усложнение сюжетной схемы мотивом сопротивления князя обидчикам найдет отражение в более поздних повестях о княжеских преступлениях – летописной Повести об убиении Игоря Ольговича 1147 г. и летописной Повести об убиении Андрея Боголюбского. В Повести об ослеплении Василька Тербовльского отчетливо звучит авторская оценка событий, постоянным приемом которой является **перечисление имен преступников**.

Глава 5. Эволюция жанра повестей о княжеских преступлениях в произведениях об убиении Андрея Боголюбского и Игоря Ольговича

Развитие жанра повестей о княжеских преступлениях шло по пути обращения авторов к традициям агиографии. Повествование стало расширяться за счет включения в текст таких элементов агиографии, как молитва, похвала, плач, чудеса. Примером повести о княжеских преступлениях, в которой широко отразилось влияние агиографии, является Повесть об убиении Игоря Ольговича.

Анализ композиции Повести об убиении Игоря Ольговича позволяет рассматривать ее в качестве типичного образца летописной повести о княжеских преступлениях. В композиции сюжета Повести можно выделить ряд мотивов, которые являются жанрообразующими для повестей о княжеских преступлениях. Развитие этого жанра происходило за счет активного использования авторами элементов агиографии. В композиции Повести об убиении Игоря Ольговича выделяется похвала князю, описание посмертного чуда, молитва. При этом нельзя забывать, что художественные особенности данной летописной повести во многом определила история ее создания. Так, одна из версий создавалась как житие для дальнейшей канонизации князя. Автор опирался также на уже известные образцы повестей о княжеских преступлениях, в первую очередь на произведения Борисо-Глебского цикла.

Жанр повестей о княжеских преступлениях достигает высоты своего развития к концу XII века. Так, в Повести об убиении Андрея Боголюбского 1175 г. объединились уже традиционные приемы жанра повестей о княжеских преступлениях и авторское новаторство.

На основании жанрово-композиционного анализа летописной исторической Повести об убиении Андрея Боголюбского 1175 г. можно сделать вывод, что это произведение является «вершиной» жанра повестей о княжеских преступлениях. Эффект достигается за счет индивидуального мастерства автора, который не только опирался на уже известные жанровые образцы, но и расширял заложенные в них традиции. Так, автор широко использует традиции агиографии. В Повести ярко проявляется синтез жанров – агиографии и исторической повести. К традициям агиографического жанра, нашедшим отражение в Повести, относятся элементы жития-биос, библейские аналогии, молитва, похвала, плач, мотивы

возникновения заговора по наущению дьявола и знание князя о готовящемся преступлении. В Повести выявлен широкий комплекс мотивов, которые восходят к традиции жанра исторической повести: заговора, страха убийц перед преступлением, сопротивления князя обидчикам, преступления против князя, убийства князя в несколько этапов, убийства княжеского любимца, разграбления княжеского двора, нехристианского обращения с телом убитого князя. Разработанный сюжет Повести об убиении Андрея Боголюбского можно объяснить тем, что автор пользовался уже сформированной моделью жанра повестей о княжеских преступлениях, что проявилось во включении в текст традиционных для этого жанра мотивов. Кроме того, автор ввел в текст и другие мотивы, что позволило ему усложнить сюжетную схему повествования. Авторская позиция выражается, прежде всего, в перечислении имен убийц, в расширении образной системы, построенной на противопоставлении положительных и отрицательных героев, и в речи действующих лиц.

Таким образом, основное направление эволюции жанра повестей о княжеских преступлениях выразилось в усилении роли традиций агиографии, что привело, в свою очередь, к созданию образов князей, близких к житийным. Влияние агиографии проявилось во включении в текст повестей таких композиционных элементов, как характеристика князя, молитва, похвала, плач, посмертные чудеса. В этих агиографических элементах широко применяются риторические элементы. Вместе с тем развитие жанра шло по пути добавления новых черт: введение новых мотивов, новых героев, диалогов действующих лиц. В этом процессе важная роль принадлежит автору с его индивидуальным мастерством.

В *Заключении* подводятся итоги диссертационного исследования, которые могут быть сформулированы следующим образом. Кроме традиционно выделяемых воинских повестей и повестей о княжеских преступлениях можно выделить третий, промежуточный жанровый тип исторической повести, который получил условное название «повествования о междоусобных битвах». Эти повествования объединяют композиционные элементы воинских повестей и повестей о княжеских преступлениях. От первого типа повестей они заимствуют описание битвы, а от второго – мотив заговора и/или мотив нарушения крестного целования (клятвопреступления). Общим для «повествований о междоусобных битвах» и повестей о княжеских преступлениях является мотив преступления против Русской земли. Основной пафос «повествований о междоусобных битвах» заключается в осуждении князей за раздоры, разорительные для Русской земли.

Основным **жанрообразующим признаком** повестей о княжеских преступлениях является **объект повествования** – преступление против князя или преступление самого князя. Повествование расширяется за счет включения конкретных исторических событий в план библейской истории. Таким образом, в данных повестях раскрывается вечная тема борьбы добра и зла (Бога и Дьявола), которая была характерна для всей средневековой христианской литературы.

Этической доминантой повестей о княжеских преступлениях становится проблема нравственного выбора человека (князя или подданного) между гордыней, стремлением к власти и благочестием и смирением.

Идея повестей о княжеских преступлениях созвучна общей моралистической идее летописи – нравственного Суда, ответственности русских князей за судьбы своей земли перед Богом. Авторы этих повестей призывают к прекращению междоусобных распрей, которые несут разорение всей Русской земле, а также к объединению под властью одного князя, для усиления страны в борьбе с иноплеменниками. В повестях о княжеских преступлениях ставится, таким образом, политический вопрос о наследовании княжеской власти – проводится мысль о законном переходе власти от отца к старшему сыну.

К конститутивным признакам жанра повестей о княжеских преступлениях, помимо их идейного и тематического содержания, можно отнести диалоги героев, авторскую оценку событий, влияние традиций агиографии и фольклора и устойчивую сюжетную схему, которую составляет комплекс мотивов: возникновение междоусобиц по наущению дьявола, заговор, нарушение крестного целования, «коварное приглашение», предупреждение князя об опасности, страх убийц перед преступлением, защита интересов князя, преступление против князя, сопротивление/«непротивление» князя обидчикам, нехристианское обращение с телом убитого князя, Божье наказание. Сюжет повестей о княжеских преступлениях может также осложняться мотивом убийства княжеского любимца, мотивом убийства князя в несколько этапов, мотивом разграбления княжеского двора, мотивом бегства и мотивом мести. Общим для всех повестей о княжеских преступлениях является **мотив преступления против Русской земли**.

В основе системы образов повестей о княжеских преступлениях лежит принцип противопоставления положительного героя – князя-жертвы и отрицательного – преступника. Может создаваться еще один ряд персонажей – это или случайная жертва – княжеский слуга (Прокопий), или тот, кто защищает князя (Георгий, князь Владимир, Кузьмище Киянин). Образ защитника князя может наделяться индивидуальными чертами, что отразилось в поздних повестях о княжеских преступлениях. В данном типе повестей создается образ народа, толпы, причем как защищающей интересы князя, так и наносящей ему вред.

Характерной чертой жанра повестей о княжеских преступлениях является четкая **авторская позиция**. Она заключается в сочувствии к князю-жертве и в осуждении преступников. Авторская позиция выражается с помощью определенных приемов. Это **перечисление имен преступников**: и заговорщиков, и непосредственных исполнителей, а также их количества и рода занятий. Автор использует **постоянные эпитеты**. По отношению к преступникам это «законопреступники», «убийцы», «окаянные», «нечестивые». «Блаженными», «благодарными» и «христолюбивыми» автор называет пострадавших князей. Еще один прием – **сравнение**. Преступники сравниваются с «зверьем сверепим» или «зверьем дившим», а князь с «агнцем непорочным». Часто проводится сравнение преступников с Иудой и Святополком Окаянным.

Таким образом, развитие жанра повестей о княжеских преступлениях шло за счет расширения сюжетной схемы (увеличение количества мотивов), расширения системы образов, все более активного включения диалогов героев, использования художественной детали. На развитие жанра оказывало влияние обращение к традициям агиографии и мифо-фольклорной архаике. Однако использование различных приемов и традиций разных жанров зависело от индивидуального мастерства авторов повестей.

В древнерусской литературе повестями о княжеских преступлениях укреплялась главная мысль – святость служения Русской земле и греховность распри, вражды, клятвопреступлений и междоусобных войн. Можно говорить о том, что шло накопление художественного словесного богатства, укреплялся процесс взаимодействия жанров. Синтез жанров – то новое, что появляется в древнерусской литературе и ведет ее по пути беллетризации. Подтверждением этому является существование неоднородных в жанровом отношении произведений уже в ранний период (XI – XIII вв.) развития литературы.

Этот опыт синтеза разных жанров и обращение к психологизму будут восприняты в дальнейшем русской литературой.

В Приложении 1 представлена сюжетная схема жанра повестей о княжеских преступлениях, в которую вошел весь комплекс выделяемых мотивов.

В Приложении 2 даются жанрообразующие мотивы повестей о княжеских преступлениях, выделяемые в повестях о Борисе и Глебе.

Список работ, опубликованных по теме диссертации:

Статьи, опубликованные в рецензируемых научных журналах и изданиях, рекомендованных ВАК РФ:

1. Сочнева, Н.А. Повесть об убийстве Игоря Ольговича и «Повесть об убиении Андрея Боголюбского» в составе Лаврентьевской и Ипатьевской летописей: к вопросу о композиционном сходстве и стилистическом своеобразии текстов / Н.А. Сочнева // В мире научных открытий. – Красноярск: Научно-инновационный центр, 2013. – № 1.2 (37) (Гуманитарные и общественные науки). – С.159 – 175.

2. Сочнева, Н.А. Роль мотивов «повестей о княжеских преступлениях» в композиции «Чтения о Борисе и Глебе»: к проблеме межжанровых взаимосвязей / Н.А. Сочнева // Вестник ЧелГУ. Серия Филология. Искусствоведение. – Челябинск, 2013 г. – Вып. 78. – С. 110 – 114.

3. Сочнева, Н.А. К проблеме жанрово-литературной типологии исторической повести в древнерусском летописании домонгольского периода / Н.А. Сочнева // Вестник Омского университета. – Омск, 2013. – № 3 (69). – С. 148 – 154.

Научные публикации в других изданиях:

4. Сочнева, Н.А. Специфика хронотопа древнерусских летописных повестей о княжеских преступлениях и проблема жанра / Н.А. Сочнева // Русская филология: язык – литература – культура: материалы научно-практической

конференции. Омск, 30 марта 2010 года / отв. ред. Е.А. Глотова. – Омск: Изд-во ОмГПУ, 2010. – С. 147 – 150.

5. Сочнева, Н.А. Языковые формулы организации хронотопа в древнерусских летописных повестях о княжеских преступлениях / Н.А. Сочнева // Молодежь Сибири – науке России: материалы международной научно-практической конференции. – Красноярск, 20 – 21 апреля 2010 года / Сост. Т.А. Кравченко, 2010. – Ч. III. – С. 101 – 105.

6. Сочнева, Н.А. Жанрообразующие мотивы «повестей о княжеских преступлениях» в составе древнерусской летописи / Н.А. Сочнева // Сборник научных трудов аспирантов и соискателей Курганского государственного университета. – Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2010. – Вып. XII. – С. 81 – 83.

7. Сочнева, Н.А. Жанрово-композиционная специфика повести об убиении Андрея Боголюбского / Н.А. Сочнева // Культура провинции: Сборник научных статей. – Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2010. – Вып. 2. – С. 66 – 68.

8. Сочнева, Н.А. Западноевропейские параллели к древнерусским летописным повестям о княжеских преступлениях (проблема мотивного сходства) / Н.А. Сочнева // Филологические и лингвистические аспекты межкультурной коммуникации: Сборник научных трудов. – Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2010. – С. 134 – 139.

9. Сочнева, Н.А. «Повесть об Игоре Ольговиче» 1147 г. в жанрово-стилистическом контексте древнерусских летописных повестей о княжеских преступлениях / Н.А. Сочнева // Сборник научных трудов аспирантов и соискателей Курганского государственного университета. – Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2011. – Вып. XIII. – С. 65 – 66.

10. Сочнева, Н.А. Мифопоэтические истоки пространственно-временной организации «Повести об ослеплении Василька Теробовльского» / Н.А. Сочнева // Проблема жанра и стиля в литературе и фольклоре: Сборник научных трудов. – Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2011. – С. 151 – 158.

11. Сочнева, Н.А. Своеобразие мотивной организации «Повести о Всеславе Полоцком» в составе раннего русского летописания / Н.А. Сочнева // Славянская культура в истории и современном мире: материалы Международной научно-практической конференции «Древнеславянское наследие и культура в современном мире». – Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2011. – С. 149 – 153.

12. Сочнева, Н.А. Агиографические мотивы в древнерусских летописных повестях о княжеских преступлениях / Н.А. Сочнева // Макариевские чтения. «Воинство земное – Воинство небесное»: материалы XVIII Всероссийской научной конференции, памяти Святителя Макария. – Можайск: ОАО Можайский полиграфический комбинат, 2011. – Вып. XVIII. – С. 431 – 446.

13. Сочнева, Н.А. Типология повествований о княжеских преступлениях в составе Лаврентьевской и Ипатьевской летописей / Н.А. Сочнева // Восьмая международная летняя школа по русской литературе / Сборник статей. – Санкт-Петербург: Свое издательство, 2012. – С. 288 – 301.

14. Сочнева, Н.А. К проблеме жанровой специфики летописных повестей 1185 г. о походе Игоря Святославича на половце в составе Лаврентьевской и

Ипатьевской летописей / Н.А. Сочнева // Статьи и материалы IX международной летней школы по русской литературе / Под ред. А.А. Кобринского. – СПб.: ИПЦ СПбГУТД, 2013. – С. 267–275.

15. Сочнева, Н.А. К вопросу о жанровом своеобразии повествований о междоусобных битвах русских князей в составе ранних русских летописей домонгольского периода / Н.А. Сочнева // Древнерусская книжность: текстология и поэтика. – Орел: Издательство Орловского государственного университета, ООО Полиграфическая фирма «Картуш», 2013. – С. 81–88.